

ren, aber nie hatte ich «freie Zeit» (Dresden lag nicht am Wege), um nach Dresden zu fahren und um im Museum nachzusehen, wie meine nenzischen Exponate dort aussehen. Offen gesagt, ich hatte andere Aufgaben, andere Sorgen, die die Episoden der vergangenen Tage aus dem Gedächtnis tilgen.

Diese Episode habe ich nie und nirgendwo beschrieben oder erwähnt, ich habe ihr auch keine Bedeutung beigemessen, und habe auch nicht gedacht, daß sie jetzt, zur großen Zeit der sozialen Kämpfe, jemanden interessieren könnte.

Vielen Dank, Gen. Ariste, für Ihren Brief. Der hat mich erinnert an den edlen Gang der Rentiere und an ihr leichtes Geschirr, an die in Malizas gekleideten Führer und Fahrer, an die nenzischen Zelte, an ihre Bewohner, die am Feuer saßen, und an ihre ganze «reiche» Einrichtung, an ihre traurigen und monotonen Lieder, an die Schneestürme nachts in der offe-

nen Tundra, wo alle vier Weltgegenden durcheinandergeraten sind, an die Eulen, die wie erstarrte Statuen auf den Baumzweigen sitzen (vor der Einfahrt in die Tundra), die den Fahrern keine Aufmerksamkeit schenken, vielleicht deshalb, da sie bei Tagesanbruch blind werden, vielleicht auch deshalb, da sie dort Menschen selten treffen können und nicht wissen, daß dieses Tier für sie gefährlich ist.

Wenn ich ein Schriftsteller oder Maler wäre, vielleicht wäre es dann keine verborgene Kraftanstrengung, das ins Gedächtnis zurückzurufen und zu gestalten.

Mit Hochachtung

und einem herzlichen Gruß anlässlich der Großen Oktoberfeiertage

A. Kasparsons.»

So war August Sprogis der junge lettische Revolutionär Augusts Sprogis, der jetzt Alfréds Kasparsons ist.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.2.08>

János Balázs, Funktionswerte der Pronominalität, Budapest, Akadémiai Kiadó, 1973. 240 стр.

Автор данной книги намеревался проследить и определить общие закономерности функционирования местоимений в языке (в системе) и в речи (в тексте, процессе). В качестве материала исследования он в первую очередь использовал данные уральских языков (реже индоевропейских, изредка и других языков). Поэтому книга представляет большой интерес не только для общего языкознания, но и для собственно уралистики. В данном обзоре прежде всего будут рассмотрены те стороны работы Я. Балажа, которые особенно важны для уральского языкознания.

Автор (судя по нумерации разделов в книге) выделил в работе шесть частей; однако, по нашему мнению, четко выделяются три основные части: а) вводная, посвященная теоретическим вопросам (стр. 7—77, по книге раздел 1), б) основная (стр. 78—224, по книге разделы 2, 3, 4, 5), в) заключительная (по книге раздел 6).

Начало книги (раздел 1) посвящено анализу вопросов о сущности местоименных слов (автор пользуется термином К. Бюлера — Zeigwörter 'указательные слова') и их отличий от назывательных слов (по терминологии К. Бюлера, Nennwörter). Определяя сущность указательных слов, Я. Балаж пишет, что при создании синтагм их наиболее важная функция — это детерминация посредством «ситуирования» (Situierung, стр. 24). Отмечая глубокие общезыковые расхождения между функциями (и природой) указательных слов, с одной стороны, и назывательных, с другой, автор особое внимание обращает на тот факт, что в уральских языках корневые назывательные слова были двухсложными и оканчивались на гласные, в то время как корни местоимений также оканчивались на гласные, но были односложными (стр. 24—25; насколько дальше автор указывает, что местоименные корни могли состоять из одного гласного). Здесь хотелось бы от-

метить, что данная формулировка, хотя и весьма распространенная в уралистике, нуждается в некотором уточнении: кроме местоимений в уральских языках односложные корни имели еще глагол **lē-* (**le-*) 'быть, стать' и отрицательный глагол (или глаголы, если их было два); далее, по всей вероятности, односложными могли быть и некоторые междометия, хотя о них мы ничего не знаем. По нашему мнению, сходная слоговая структура перечисленных слов объясняется тем, что они имеют нечто общее: эти слова были малознаменательны; например, формы отрицательных глаголов использовались как служебные элементы языка, а глагол **lē-* (**le-*) как глагол бытия часто выступал в роли связки, т. е. в роли служебного слова.

Автор (стр. 26) правильно отмечает, что вопросительные местоимения (кроме первичной, вопросительной функции) имеют вторичную, квалифицирующую функцию: «отграничение человека (Person) от предмета (Ding)». Однако формулировка автора не совсем точна: как показывают материалы разных языков, в том числе и уральских, указанный тип квалификации выявляется либо в оппозиции человек/не-человек (когда животные относятся ко второму члену оппозиции), либо в оппозиции живое/не-живое (когда животные относятся к первому члену оппозиции).

Согласно одному из основных положений, высказанных автором работы (стр. 39—40), первые суффиксальные элементы индоевропейских и других языков имеют не только местоименное происхождение, но и использовались первоначально как суффиксы местоимений (т. е. соответственные суффиксированные местоимения первоначально выступали как сложные, состоящие из двух местоимений). Возражая Т. Лехтисало, Я. Балаж подчеркивает, что не первичные суффиксы назывательных слов (глаголов и имен, поскольку уже раньше произошло первое разделение назывательных слов на эти категории) переходили в материально общие им местоименные суффиксы (*-n*, *-m*, *-t* и т. д.), а, наоборот, местоименные суффиксы (имеющие местоименное же происхождение) превращались в материально общие им суффиксы назывательных слов (имен и глаголов, стр. 41). В разделах 2,

3, 4, 5 рецензируемой работы приведены материалы и аргументы, с помощью которых автор доказывает данный тезис.

Рассматривая функционирование уральского местоименного суффикса **t/*tt* (раздел 2), Я. Балаж сначала прослеживает его использование при различных местоименных основах: например, при местоименных основах от **k*: в составе морд. *kodamo*, *kodamä* 'какой', саам. *gutti*, *kuhti* 'кто, какой' (стр. 78) и т. д., при местоименных основах от **m*: в составе фин. *muutama* 'некоторый', *monet* 'многие', удм. *mid*, *mēd* 'другой' (стр. 81—82) и т. д. Использование местоименного суффикса **-t* при различных местоименных основах (от **k*, **m*, **t*, **š*, **e*, **o*) показано в сводной таблице на стр. 97.

Переходя к рассмотрению превращения местоименного суффикса **-t* в форманты назывательных слов (имен, глаголов), Я. Балаж прежде всего анализирует происхождение древнейшего уральского суффикса множественного числа **-t*. Используя разыскания финского ученого П. Равилы (утверждавшего, исходя из данных марийского языка, что суффикс **-t* сначала присоединялся только к сказуемому), Я. Балаж (также на материале марийского языка) доказывает, что *-t* употреблялся в случаях, когда в предложении выступало несколько подлежащих в единственном числе: т. е. для координации однородных членов предложения (стр. 121—123). Таким образом суффикс *-t*, примененный сначала при сказуемом в детерминирующей функции, со временем переосмысливался в суффикс множественного числа (стр. 126).

Для разъяснения перехода местоименного суффикса *-t* в форманты локатива и аккузатива Я. Балаж исходит из местоимений, содержащих данный формант и выражающих какие-либо косвенные падежные значения, например при местоименных основах от **k*: вепс., эст. *kut* 'как', морд. *kosto*, *kostä* 'откуда', манс. *χot* 'где', венг. *kit* 'кого' (стр. 128—130). Автор прослеживает подобное использование суффикса *-t* и при других местоименных основах (см. сводную таблицу на стр. 142). Я. Балаж утверждает, что уральский локативный суффикс *-t* появился как наречный в результате переосмыс-

ления (адаптации) местоименного суффикса *-t*, употребленного при древнейших указательных и вопросительных местоимениях (стр. 163). Аккузативный же суффикс *-t* (в венгерском) и партитивный *-ta/-tä* (в финском) так же, как и локативный *-t* являются рефлексам одного древнего, по семантике еще недифференцированного, падежного суффикса (стр. 167).

Подобно местоименному суффиксу **-t* исследуется в книге и местоименный суффикс **-n*. Я. Балаж возводит его к указательному местоимению, которое, как он считает, первоначально относилось к сфере собеседника (стр. 187); следы этого местоимения он находит и в угорских языках (например, в венгерских послеложных местоимениях *nekem* 'мне', *neked* 'тебе' и т. д., в отрицательной частице *nem*) (стр. 186). Как и в случаях с суффиксом **-t*, автор утверждает, что **-n* первоначально использовался при различных местоименных основах (см. сводную таблицу на стр. 182); потом он адаптировался и при назывательных словах в качестве суффикса двойственного числа (в употреблении при сказуемом, относящемся к двум подлежащим, выраженным личными местоимениями) и суффикса множественного числа (в употреблении при сказуемом, относящемся к трем подлежащим, выраженным личными местоимениями, см. стр. 193). По мнению автора, от местоименного суффикса *-n* (восходящего к местоименной основе **n*.) происходят в разных уральских языках: суффикс прилагательных *-n*, генетивный и эссивный *-n*, в угорских и пермских языках локативный *-n* (стр. 202).

Последний элемент, исследуемый автором, — это местоименная основа **m*. 'что, нечто' и, возможно, 'другой' (стр. 210) и ее дальнейшая судьба в морфологии уральских языков. Я. Балаж считает, что к ней восходит **m*-овый местоименный суффикс (развившийся тем же путем, что и местоименные суффиксы **-n* и **-t*, стр. 212), который еще в составе местоимений переосмыслился в суффикс аккузатива (стр. 213), далее, объединившись с другим суффиксом, сопоставимым с хант. *pä* (имеющим, по мнению автора, также местоименное происхождение, см. 216), он

превратился в суффикс, появившийся в составе местоимений в разных значениях; позднее данный сложный суффикс перешел в сферу имен и стал выражать и сравнительную степень.

За последние десятилетия по уральскому языкознанию опубликован ряд работ, в которых в той или иной форме затрагивался вопрос о роли местоимений в возникновении словоизменительных (не только личных) и словообразовательных суффиксов (см. работы П. Равилы, Ю. Фаркаша, Дь. Лако и др.). Немало авторов обратило внимание и на вероятность общих этимологий для материально общих суффиксов (например, на вероятность общего источника для *-t*-овых локативного и аблативного суффиксов). Однако в книге Я. Балажа предложена общая системность для подобных преобразований по модели: местоимение > второй компонент сложного местоимения (первый компонент которого является также местоимением) > местоименный суффикс > именной или глагольной (словоизменительный или словообразовательный) суффикс.

Естественно, что данная гипотеза (как и вообще гипотезы об очень древних и сложных процессах) при всей логичности и стройности рассуждений Я. Балажа не может быть полностью доказана. Хотелось бы указать и на некоторые уязвимые детали и отдельные спорные стороны в этих рассуждениях. Например, несколько смущает то, что суффиксы, возведенные автором к общему этимологическому источнику, сходны только по консонантному элементу, но различаются по вокализму. Так, аблативный *-t*-овый суффикс оканчивался на гласный, а локативный *-t*-овый суффикс (как и венгерский аккузативный *-t*) восстанавливается без гласного (см. также локативный **-na/*-nä* и генитивный **-n*). Однако поскольку уральские консонантные местоимения состояли из согласного + гласный, в сложном и долгом процессе преобразования местоимений в форманты разных значений гласный в ряде случаев мог исчезнуть, хотя бы для омонимического отталкивания.

Тот факт, что некоторые древние падежные суффиксы в ряде языков выявляются только в составе местоименных наречий

вряд ли бесспорно свидетельствует о первичном использовании подобных суффиксов в роли местоименных: в системе живой парадигмы существительных древние надежные суффиксы могли быстрее преобразовываться, утрачиваться и заменяться другими, чем в составе местоименных форм, которые по своей природе всегда близки к наречиям.

Нематр на возможные возражения ги-

потеза Я. Балажа нам представляется вероятной: она стройна и логична, основана на современных разысканиях, литература по соответствующим вопросам автором использована умело, со знанием дела. Книга читается с интересом и может принести пользу для уралистики и общего теоретического языкознания.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, **Словарь вепского языка**, Ленинград, Наука, 1972. 745 стр.

1. Выход «Словаря вепского языка» с нетерпением ожидали все, кто интересуется прибалтийско-финскими языками: бесписьменный вепский язык оставался одним из последних прибалтийско-финских языков, по которому серьезные лексикографические источники и описания отсутствовали.

Особая актуальность научной инвентаризации вепской лексики обусловлена не только ее большим значением для исследований по прибалтийско-финским языкам (вепский язык является самым восточным в этой группе и занимает промежуточный ареал между регионами распространения коми и карельского языков), но и тем, что в наше время носители вепского языка в подавляющей основе двуязычны; прежняя духовная и материальная культура вепсов в новых социально-культурных условиях все больше забывается, хранителями прежних духовных ценностей вепского народа являются, как правило, люди пожилого и преклонного возраста, в силу естественных причин они постепенно уходят от нас.

До появления рецензируемого словаря основные сведения о лексике вепского языка черпались прежде всего из кратких (рукописных и печатных) перечней вепских глоссем, составленных в различное время и в различных целях.

Наиболее старый рукописный русско-вепский словник обнаружен нами в Центральном государственном архиве Карельской АССР. Он составлен в 1848 году Вытегорским исправником Ларноновым на основе говоров деревни Куштозеро и со-

держит 531 вепское слово. В 1913 году в Петербурге был издан небольшой «Чудско-русский словарь» П. Успенского, общим объемом 46 страниц. Девять лет спустя, в 1922 году, в Тарту была опубликована монография Л. Кеттунена «Lõunavepsa häälik-ajalugu» (Историческая фонетика южновепских говоров). К ней приложен указатель вепских слов — более 4 тысяч. В архиве Карельского филиала АН СССР хранится рукописный «Чудско-русский словарь» А. В. Светляка, составленный в 1922—1926 годах на основе шимозерских говоров. Он содержит около 5 тысяч вепских слов и был наиболее обширным до самого последнего времени. В 1936 году во время существования вепской письменности в Ленинграде был опубликован «Vepsa-venähine vajehnik» (Вепско-русский словарь) М. М. Хямяляйна и Ф. А. Андреева. Он включает около 3 тысяч вепских слов. Все эти словники давали лишь самые общие сведения о запечатленных вепских лексемах; ни по объему, ни по способу обработки лексем они не удовлетворяют современных научных потребностей.

Словарь М. И. Зайцевой и М. М. Муллонен представляет собой новый источник полезной информации по вепской лексике. Он отличается более высоким уровнем лексикографической обработки и презентации материалов, содержит много лингвистических иллюстраций. Однако из-за скромного объема своего словника (по нашим подсчетам, около 8,5 тысяч слов) изданный словарь также не дает полного